

Плач «святого» передается устойчивой формулой: «правовернии... о грешных же тужат и втай пред богом плачют, да же отрадит ему бог в век века. Яко же и Андрей юродивый виде богатаго ко гробу несома и водою смрадною отъ бесови кропяща, плакав о нем святыи ношь всю неутешно, яко и очи ему от слез опухли...» (стр. 507).

Ср. в письме к «отцам» Поморским: «Молитесь толко вы о нас крепко и неослабно, господа ради, отцы святии. Мне веть неколи плакать: всегда играю со человеки, таже со страстми и похотьми व्यюся окаянный...» (стр. 949).

Экспрессия святых слез, связанная с их словесным выражением, — фразеология иная, чем того житейского плача, который бывает и у «грешных». Аввакум характеризует это различие противопоставлением двух фразовых групп: «У грешных же бабы по мертвых кричат, да вопят, яко невернии иноземцы: кленут з горя, плачучи, и небо, и землю, и тварь всю, и самому творцу досаждают. Горе тако творящим... Благодарумнии же о мертвых во умилении изливают слезы, без крику и без вопля прося им у Владыки милости, — и се бо есть добро и благоприятно, — богу любезно, а мертвым полезно, а плачущим мздовоздаятелно» (стр. 507—508).

В виде иллюстрации далее дается стилистическое толкование евангельских описаний плача Марии Магдалины («слезы проливала, а не кричала, ни вопила») и Христа над Лазарем («прослезился») и на основании их устанавливается антитеза «смирненного плаkania» с «безчинным воплем и плачем по-язычески» (стр. 508).

2

Из церковно-библейского круга Аввакум, как нередко и другие древнерусские книжники, черпает выражения своеобразного строения, обычно составленные из групповых сращений слов. Но характер употребления таких фразеологических единств, часто сохраненных в нераздельной слитности, у Аввакума оригинален. Они преобразуются путем размещения по новым контекстам, путем смысловых «заражений» от необычного словесного соседства, путем стилистического «подновления» самой смысловой структуры фразы, ее сближения с разговорной лексикой, а также путем народно-разговорной реализации церковно-книжного образа.

Прежде всего здесь выступает принцип актуализации, оживления библейских метафор то посредством их лексического развития, то посредством настойчивых сцеплений их с разговорными словами, однородными по значению, а иногда контрастными по смыслу или экспрессивной окраске. Сцепляясь по контрасту и по сходству, библейские образы своеобразно окрашивают сказ, в котором поэтому роями кружатся слова, связанные с одним и тем же рядом предметных смыслов.

Например, повествуя о своем первом падении в духе проложного рассказа (под 27 декабря) Аввакум рисует свой грех символами церковно-книжными: «Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным».⁴ И за этой церковно-книжной фразеологией двигаются толпою слова, связанные с сферой огня, горения: «И горко мне бысть... Зажег три свечи... возложил руку... на

⁴ Ср. в «Книге толкований и нравоучений»: «Егда в нощи стоишь на молитве и воспалитися пахотения пламень, остави дело молитвы и угаси палящее, шед к жене своей на ложе» (стр. 543).